

На правах рукописи

Краснова Татьяна Ивановна

**ФЕНОМЕН ОППОЗИТИВНОСТИ
ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
1917–1920 (22) гг.**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет» на кафедре речевой коммуникации института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Официальные оппоненты: *Анненкова Ирина Васильевна*, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», профессор кафедры стилистики русского языка
Матвеева Юлия Владимировна, доктор филологических наук, доцент, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков
Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь

Защита состоится «26» марта 2015 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» <http://dissovet.sciense.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан «___» 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

Е.Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена анализу содержательно-идеологических и семантико-речевых проявлений оппозитивности в газетах русского зарубежья, издававшихся в странах Европы, а также в Маньчжурии и Америке, в период Первой мировой войны и Гражданской войны в России. Смысловой центр проанализированных газетных публикаций – Россия, а расхождения в интерпретации положения дел в стране связаны с отношением к ключевому для того времени слову (концепту) «большевизм».

Диссертационная работа вписывается в круг исследований по языку русского зарубежья (Абызов 1990; Будницкий 1992; Караулов 1992; Грановская 1993, 1995; Голубева-Монаткина 1995; Земская 2001, 2003; Земская, Гловинская, Бобрик 2001; Протасова 2002; Зеленин 2007; Анненкова 2011). Разработанный под руководством Е. П. Чельшева в Российской академии наук международный проект «Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков» стал закономерным следствием интегрального подхода к комплексам научных материалов, посвященных культуре России и феномену русской эмиграции (Еременко 1993; Раев 1994; Пархоменко 1995; Фрейнкман-Хрусталева 1995; Жирков 1998; Филин 1998; Чельшев 1998; Волков 1999; Тетеревлева 2004; Ручкин 2007; Аблажей 2008; Куренышев 2008 и др.). В этой связи особую значимость приобретает предпринятый в диссертации анализ газетного дискурса 1917–1922 гг.

Язык русского зарубежья (далее также – РЗ) представляет собой необозримую и сложную тему для исследований. Он может рассматриваться как «самостоятельный способ бытования русского языка» со своей мировоззренческо-прагматической спецификой, отражающей языковую картину мира, обуславливающую «вертикальный контекст»¹.

Объект исследования – газетные тексты и формирующийся в этих текстах дискурс о России. Структура объекта исследования неоднородна и многослойна: в ней присутствуют *внешнее* поле дискурса о России (историко-социальный, культурный, идеологический контексты) и *внутреннее* поле идеологического субъекта дискурса (его когнитивно-психологический модус). В содержании целостного объекта выделяются *ядро* (мир России) и отчасти противопоставленная ему околюдерная периферия – *оболочка* (мир русской эмиграции).

Предметом анализа стал *феномен оппозитивности* в газетах русского зарубежья и *оппозитивный механизм*, который управляет формацией газетного дискурса о России и в значительной мере обуславливает его вариативность в различных условиях существования изданий.

¹ См.: Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. – 1992. – №6. – С. 5–6.

Под оппозитивностью понимается интенционально обусловленная *модализация*, пронизывающая деятельность субъекта языкового сознания и выявляемая в речи как отношение неприятия или прития, сформировавшееся в ходе интерпретации российской действительности 1917–1920 (22) гг. с позиций противодействия или содействия большевизму на базе исходной идеологии.

Модализация вносит в «речевое тело» дискурса структуру ментального противоположения (когнитивно-семантических оппозиций). Семантико-речевые средства оппозитивности выявляются внутри конфигурации диалогичности с учетом различий газет антибольшевистских, пробольшевистских или политически нейтральных (торгово-промышленных).

Материал исследования – газеты русского зарубежья, политико-идеологический дискурс которых в основном относится к 1917–1920 (отчасти к 1921–22) годам. Выбор временного отрезка периода войн (мировой и гражданской) предопределен как динамикой нарастающего миграционного процесса из России, так и важным этапом становления того русского зарубежья, которое сформировалось под влиянием ключевых событий национальной и мировой истории начала прошлого столетия. В целом было проанализировано свыше 1500 текстов, входящих в состав различных по своей направленности изданий. Исследованный материал извлекался из петербургских газетных хранилищ Российской национальной библиотеки (РНБ) и частично – библиотеки Российской Академии наук (БАН).

В поле исследовательского внимания оказалась печать русской диаспоры государств, граничащих с Россией, и печать дальнего зарубежья. В числе изученных – издания со следующей атрибуцией: две газеты, идентифицирующие себя как внепартийный демократический орган («Варшавская речь»: Варшава, «Призыв»: Берлин); пять газет партийной принадлежности («Голос России»: Берлин, «Русский социалист»: Берлин, «Труд»: Харбин, «Голос труженика»: Чикаго, «Народная газета»: Нью-Йорк); две газеты рабоче-крестьянской ориентации («Новый мир»: Нью-Йорк, «Свободная Россия»: Чикаго); четыре издания общественно-политического характера («Новое слово»: Кишинев, «Вестник Маньчжурии»: Харбин, «Маньчжурия»: Харбин, «Новости жизни»: Харбин); военно-политическое издание («Вестник Северо-Западной армии»: Нарва); торгово-промышленное издание («Скандинавский листок»: Стокгольм). Остальные газеты не обозначили в подзаголовках своей принадлежности («Общее дело»: Париж; «Русский вестник»: Берлин; «Русское дело»: Прага; «Призыв»: Харбин; «Новое русское слово»: Нью-Йорк; «Свободная Россия»: Буэнос-Айрес), хотя в названиях трех газет их тенденциозность акцентирована включением

идеологом «дело» и «свободная» («Общее дело», «Русское дело», «Свободная Россия»)².

Степень изученности газетных материалов различна: в списке есть хорошо известные, малоизвестные и не описанные в научной литературе издания. Хотя сбором и изучением газет РЗ времени революции и Гражданской войны занимались не только в России, но и за рубежом³, научному осмыслению подвергалась лишь содержательная сторона отдельных изданий русского зарубежья. Лучше всего изучены печатные органы главных центров эмиграции, ведущие газеты русского зарубежья⁴. Исследователи нового времени, как правило, оставляют в стороне революционный и пореволюционный периоды, сосредоточившись на послереволюционной эпохе. Относительно изучения недолговечных изданий обычно говорят об «эфемерности» газет с двух-трехгодичным опытом существования. Нам представляется, что недолгая работа подобных газетных изданий не является основанием для исключения их из поля исследовательского внимания.

Актуальность исследования определяется необходимостью объективного дискурсного анализа газет русского зарубежья, который открывает перспективу научного осмысления культурного и языкового наследия русской эмиграции.

В диссертационной работе присущая газетному дискурсу оппозиционность связывается с идеологическим, социально-оценочным факторами и ментально-психическим механизмом порождения высказываний в рамках дискурсной формации (термин используется вслед за М. Фуко).

Проанализированный языковой материал представляет собственно лингвистический интерес, значим для изучения политического дискурса, повлиявшего на состояние русского языкового сознания. Между тем дискурс эмигрантской печати еще не изучался системно. Даже в исследовании М. Раева «Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939» (1994), многоаспектно раскрывающем культурные достижения русской эмиграции, отсутствует анализ газетных изданий периодов революции и начала Гражданской войны; история культуры русской эмиграции

² Типологические характеристики изучаемых газет представлены в библиографическом списке источников в конце диссертации согласно изданию: Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1992 гг.). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во Рос. национ. б-ки, 1996. – 199 с.

³ Особенно велик вклад в историю печати русского зарубежья за границей со стороны библиографии. В Париже, Мюнхене, Бостоне и других городах Европы и Америки изданы сводные каталоги эмигрантской периодики за весь период ее существования.

⁴ См. Гл. III в кн. : Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков / А. Ф. Бережной, Н. Л. Волковский, Л. П. Громова и др.; под ред. Г. В. Жиркова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С. 174–316. См. также: Реброва И. В. Концепт ПРОРОК в литературно-критическом дискурсе газеты «Руль» (нач. 20-х гг. XX ст.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. – 16 с.

рассматривается с 1919 года, да и само понятие русской эмиграции связывается именно (и только) с эмиграцией первой волны.

Существующие труды по языку русского зарубежья (в том числе вышедшие за границу)⁵ охватывают период после высылки в 1922 году видных ученых и писателей из России (Голубева-Монаткина 1995; Грановская 1993, 1995; Земская 2001, 2003; Зеленин 2007; Художественная речь русского зарубежья 2002). А. В. Зеленин осуществил подробное описание языка эмигрантской прессы 1919–1939 гг. по языковым уровням (графика и орфография; грамматические, словообразовательные, лексико-семантические особенности). В то же время, по замечанию автора, «обобщающие работы по языку небольшевистской публицистики начала XX века до сих пор отсутствуют, не говоря уж об исследовании эмигрантского публицистического стиля»⁶. Комплексному системному изучению, с точки зрения семантико-речевой оппозитивности, газеты русского зарубежья пореволюционной эпохи не подвергались, язык газет в его одновременно существующих идеологических разновидностях не исследовался ни в России, ни за рубежом.

Цель исследования – выявить структуру содержания оппозитивного дискурса газет русского зарубежья, вскрыть природу речевой оппозитивности и представить интерпретацию точек зрения идеологических субъектов в рамках газетного дискурса эпохи Первой мировой и Гражданской войн.

Поставленная цель потребовала поэтапного решения задач.

Задачи первого этапа исследования определяются осуществлением единого аналитического описания газетного дискурса. Для этого было необходимо:

- разработать определение оппозитивного газетного дискурса;
- вычленив референты, которые обусловили оппозитивную формацию дискурса;
- обосновать принципы анализа, определить ведущие информационные модели оппозитивного газетного дискурса;
- продемонстрировать оппозитивность репрезентации, апеллятивности и экспрессии в дискурсах разной идеологической направленности.

Задачи второго этапа исследования связаны с характеристикой дискурса о России в прессе русского зарубежья. Для этого было необходимо:

- осуществить краткое описание изданий по первичным типологическим признакам и по собственной атрибуции газеты (шапки, рубрики, заголовочные комплексы, обращения редакции и т.п.);
- реконструировать оппозиции на базе семантико-речевого анализа высказываний (вертикальный и горизонтальный контексты);

⁵ Zelenin, Aleksandr. The Language of the Russian Émigré periodical press in the 1920s and 30s // Nordiska Slavismötet, XIV (Helsinki), 1997. – 380 p.

⁶ Зеленин А. Язык эмигрантской прессы (1919–1939). – СПб. : Златоуст, 2007. –22 с.

– представить характеристику дискурса о России в конкретной газете и общее расхождение газет в начале и в конце Гражданской войны;

– определить идеологическую специфику торгово-промышленного издания в свете отношений оппозитивности и общей характеристики разновидностей оппозитивного газетного дискурса.

Теоретическая база исследования. Когнитивное направление исследований, к которому относится данная работа, характеризуется многоаспектностью рассмотрения объекта. Именно такой взгляд позволяет обнаружить общность в принципах организации языка, материальной и духовной культуры. Когнитивный подход привлекает ученых, с одной стороны, способностью к выявлению стандартных форм человеческого мышления и повторяющихся содержательных представлений, с другой стороны, – возможностью нестандартных интерпретаций. Когнитивный подход позволяет «установить, с каким видением мира мы столкнулись в этом тексте, что и по какой причине привлекло внимание человека, какие именно фрагменты знания и оценок в нем закреплены и т.д.»⁷. Наблюдается стремление ряда ученых, особенно в России, говорить именно о когнитивной семантике, а не о когнитивной лингвистике (Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, О. Н. Селиверстова). Мы признаем особую роль для когнитивных исследований прагматической теории с ее интересом к вопросам социального познания и установкой на экспликацию имплицитного знания (Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, Е. В. Падучева, В. В. Петров, Б. А. Серебренников, А. П. Чудинов; Ш. Балли, Л. Витгенштейн, Т. ван Дейк, Г. П. Грайс, Ч. Моррис, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, П. Сгалл, Р. М. Хэр). Разработка теории модальности и модуса (пропозиционального отношения) определила одну из магистральных линий прагматических исследований. При этом лингвопрагматический анализ охватывает не только слово, высказывание, но и текст, дискурс. Немалый вклад в решение проблемы дискурсного анализа внесли исследования по лингвистической прагматике, включающие проблемы субъективности и модальности (И. В. Анненкова, Н. Д. Арутюнова, А. Г. Баранов, В. В. Виноградов, М. Н. Володина, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, Б. М. Гаспаров, А. В. Зеленщиков, М. В. Никитин, Е. В. Падучева, А. М. Пешковский, А. А. Потебня, В. В. Химик, Т. В. Шмелева; Ш. Балли, А. Вежбицкая, Л. Витгенштейн, А.-Ж. Греймас, Дж. Дьюи, Дж. Лакофф, Ч. С. Пирс и др.), работы по функциональной стилистике (Е. А. Баженова, Н. С. Болотнова, А. Н. Васильева, Н. В. Данилевская, М. Н. Кожина, Т. В. Матвеева, В. А. Салимовский и др.) и функциональной лексикологии (В. В. Степанова, Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк и др.), исследования по теории речевой деятельности в связи с характеристикой газетно-публицистических жанров (М. М. Бахтин, Г. О. Винокур, Л. Р. Дускаева, М. Н. Кожина, В. И. Коньков,

⁷ Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С.78.

В. Г. Костомаров, И. П. Лысакова, Л. М. Майданова, К. А. Рогова, Г. Я. Солганик, Э. В. Чепкина и др.).

Диссертационное исследование опирается на труды по структуре коммуникации и медиастилистике, семиотике и психологии (М. М. Бахтин, Н. Н. Болдырев, Л. С. Выготский, В. З. Демьянков, Н. И. Жинкин, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, Ю. М. Лотман, М. В. Никитин, О. Л. Селиверстова, Г. Я. Солганик, Ю. С. Степанов, Т. В. Шмелева и др.). Решаемые в процессе исследования вопросы входят в проблематику лингвокультурологического анализа значений языковых единиц и текста (Елизарова 2000, Маслова 2001, Власть в русской языковой и этнической картине мира 2004, Язык средств массовой информации 2008 и др.). Анализ проводится в контексте историографических сочинений нового типа, предполагающих объективную интерпретацию последствий революционных изменений, происходивших в России (Еременко 1993, Культура российского зарубежья 1995, Жирков 1998, Волков 1999, Проблема «другого голоса»... 2003, Русский исход 2004, Ручкин 2007, Аблажей 2008, Волков 2010 и др.). Это стало возможным благодаря открытию прежде недоступных архивных материалов, позволивших трактовать русское зарубежье как сложный социокультурный феномен, предложить объективное прочтение текстов «расколотой» революцией культуры, в том числе – с учетом особенностей журналистского процесса в условиях эмиграции.

Осуществленное в диссертации изучение ключевых слов, смысловых доминант и семантико-речевых вариантов дискурса при неизменяемой или изменяемой идеологической основе – одно из направлений речеведческих исследований дискурса СМИ (Л. М. Майданова, О. Л. Михалева, М. Р. Проскуряков, С. И. Соломатов, Т. Г. Федотовских, А. П. Чудинов, Т. В. Шмелева и др.). В процессе исследования принимались во внимание достижения «логического анализа языка» и близкого к ним ответвления семантики, изучающего культурные концепты (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, И. Т. Вепрева, В. З. Демьянков, В. В. Колесов, Е. В. Падучева, Ю. С. Степанов и др.).

В процессе обработки и описания исследуемого материала учитывалась концепция Московской семантической школы. В ходе анализа фиксировались семантически активные в лексике как операционной системе отрицание; кванторы; количественные значения, включая значение степени и интенсивности; оценки; модальности, в особенности значения намерения, возможности и долженствования⁸.

Процедура дискурсно-когнитивного анализа сочетается с лингвосociологическим направлением исследований, в основе которого лежит многопрофильный пласт трудов российских и зарубежных ученых по

⁸ Апресян Ю. Д. О московской семантической школе // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 19.

теории дискурса и социальной детерминации речевой деятельности (Е. М. Верещагин, М. Н. Володина, В. З. Демьянков, К. А. Долинин, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, И. П. Лысакова, Л. Б. Никольский, К. А. Рогова, Г. Я. Солганик, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, А. П. Чудинов, А. Д. Швейцер, Р. Т. Белл, Т. ван-Дейк, У. Лабов, Ч. Фергюсон, Д. Хаймс, С. Эрвин-Трипп и др.). Мир исторического создается в решающей степени языковым сообществом (L. Weisgerber). С помощью языка фиксируется «мир содержаний, понятий и форм мышления» социальной группы (то есть «своя картина мира в том виде, в каком она сложилась в историческом процессе, свои мыслительные средства, оказавшиеся нужными и пригодными для освоения жизни») ⁹. Специальные исследования социальной маркированности единиц языка подтвердили связь социолингвистики со стилистикой ресурсов (Л. П. Крысин).

Анализ конкретных газет РЗ проведен с учетом достижений французской школы дискурсного анализа (Р. Барт, Ж.-Ж. Куртин, М. Пешё, Ж. Отье-Ревю, М. Фуко и др.). При рассмотрении соотношения свойств дискурса с такими концептами, как «власть», «воздействие», «авторитет», целесообразными оказались принципы политической лингвистики ¹⁰. Они связываются с особенностями речевого поведения идеологических субъектов и с интерпретацией их дискурсов. Диалог с *Другим* (М. Бахтин) как способ искания и испытания истины – особая проблема речевой коммуникации и политической этики. Речь идет о субъекте, противостоящем *Другому*, по-другому думающему и действующему ¹¹.

Методологической базой исследования стала существующая в разных модификациях теория дискурса, а также сложившиеся научные общие представления о способах репрезентации знаний на собственно когнитивном и языковом уровнях сознания (Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, В. А. Звегинцев, В. И. Карасик, А. Е. Кибрик, В. В. Петров, Ю. Е. Прохоров, Ю. С. Степанов, Т. В. Чернышова; А.-Ж. Греймас, Т. А. ван Дейк, Дж. Лакофф, Р. Лэнкер, М. Пешё, П. Серио, Ж. Фонтаний, М. Фуко и др.). Большое значение при разработке методологических оснований дискурсного подхода имели теории интертекстуальности (М. М. Бахтин, Б. М. Гаспаров, Ю. М. Лотман; Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. А. Кристева), а также работы по падежной грамматике (Ч. Филлмор) и теории фреймов (Е. С. Кубрякова, Н. К. Ониненко, Ю. Г. Панкрац; и др.).

⁹ Радченко О. А. Понятие языковой картины мира в немецкой философии языка XX века // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 152.

¹⁰ Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.; см. также выпуски научного журнала «Политическая лингвистика» (УГПУ, Екатеринбург).

¹¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – С. 271–275.

Выработка принципиальных подходов, предвосхитивших появление новой теории описания социальных языков, связана с многочисленными трудами по социолингвистике и теми аспектами когнитивной лингвистики, которые стали ориентироваться на эту проблематику, включая анализ дискурса (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Борботько, Е. М. Вольф, В. З. Демьянков, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Н. А. Купина, Л. П. Крысин, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, М. Л. Макаров, Р. И. Павилёнис, Е. В. Падучева, О. Н. Селиверстова, Ю. С. Степанов, Р. М. Фрумкина, В. Е. Чернявская; Э. Бенвенист, Т. А. ван Дейк, Дж. Лакофф, Р. Шенк и др.).

Мы разделяем точку зрения Ю. С. Степанова, который определил «дискурс» следующим образом: «Это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики»; то, что, в конечном счете, «создает особый «ментальный мир»¹².

Дискурсно-когнитивный анализ в русистике, представленный в трудах Е. С. Кубряковой (1994; 1995; 2001; 2008), позволяет установить, каким образом те или иные языковые явления связаны с отражаемой ими реальностью и какова их роль в познании этой реальности. Установлению постоянных корреляций и связей, которые обнаруживаются между структурами языка и структурами знания, принадлежит ведущее место в организации дискурсивной деятельности СМИ и, соответственно, в процедуре исследования последней¹³.

В работе используется лингвоидеологический анализ (Купина 1995) имплицитивно содержащихся в газетном дискурсе идей. Речь идет о показателях совмещения ментального и вербального пространств, о выраженной вербально и невербализованной оппозитивности в дискурсе изучаемых газет, об отмеченных идеологической оценкой смысловых вершинах дискурса. В процедуре понимания текста учитываются культурно-фоновые смыслы.

По мере погружения в материал в диссертации были использованы **методы и приемы**, соответствующие аспектам рассмотрения газетных текстов. Для осуществления целевой установки исследования использовалась координация описательного и функционального анализа: описательно-аналитический метод, включающий приемы наблюдения, обобщения и классификации; контекстологический анализ, элементы психолингвистического подхода, предполагающего внимание к процессам

¹² Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принципы Причинности // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 38.

¹³ См. об этом: Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академ. Проект, Альма Матер, 2008. – С. 183–209.

порождения и восприятия речи; метод когнитивного моделирования. В ходе исследования языка была разработана методика интерпретации высказываний по выявленным смысловым оппозициям, направленная на когнитивно-семантическую реконструкцию дискурса.

Сложный характер самого процесса порождения дискурса, неоднородная природа объекта вызвали необходимость описания условий языковой формации газетного дискурса в два этапа – на дотекстовом, контекстном, этапе и текстовом, формообразующем, этапе существования дискурса. Дотекстовой этап существования формации дискурса подразумевает: а) наличие идеологического преконала и установочной посылки в виде концептуального начала пробольшевизма, антибольшевизма, а также нейтральной политики торгово-промышленного издания; б) наличие когнитивного условия реализации дискурса – ментально-психического модуса с концептами «приятие» или «неприятие». Это ментальное состояние переносится на речь, выражаясь в модализации высказываний. Дотекстовой этап анализа необходим для понимания того, что каузаторами состояния приятия или неприятия выступают для говорящего две причины: экстралингвистические объекты, то есть факты оппозитивных отношений в самой действительности (мир событий и мир идей, социокультурная ситуация) (1); интенциональность и ее ментально-модальные объекты – указание на положение вещей, оценки существующего положения, переживание несоответствия желаемого или ожидаемого действительности (2).

В текстовом приближении анализ дискурса предполагает учет собственно лингвистического, семантико-речевого, и когнитивного, ментального планов. Механизм оппозитивности складывается из операций с языком в составе коммуникативного акта, включающего «затвердевшую» модель модализованного противоположения. Предметом наблюдений и анализа в диссертации стали виды и способы ментальных репрезентаций в газетном дискурсе, организация языковых и неязыковых знаний по принципу семантической оппозиции.

Политизированные газетные тексты рассматриваются с точки зрения того, как разные ментальные схемы (фреймы, сценарии, жанровые схемы) в анти- или пробольшевистских изданиях концептуализируют «мир», будучи включенными в сознании читателя в оппозитивные модели понимания и общения. Одновременно мы рассматриваем оппозитивный дискурс в его материальном выражении. Он реализуется как последовательность речевых актов, которые обладают локальной и глобальной связностью (диагональностью), подразумевающей оппозитивность в сфере вертикального контекста.

В диссертационной работе присущая газетному дискурсу оппозитивность связывается с политико-идеологическим фактором и

влиятельным ментально-психическим механизмом порождения высказываний в рамках дискурсной формации.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Оппозитивный дискурс – типичный способ существования языковой картины мира в газетах русского зарубежья 1917-1920 (22) гг. Сущностные признаки такого дискурса определяются историческим временем, идеологией отрицания, социально-политическим антагонизмом. В анализируемом газетном дискурсе о России и русском большевизме обостряются типовые историко-культурные оппозиции.

2. Дискурс является речью и пресуппозицией к ней. Дискурс можно представить в виде полевой модели ментально-речевых зависимостей. Дискурс – непрерывный поток ментального, в то время как высказывание лишь конфигуративный «остров» в этом потоке.

3. Газетный дискурс русского зарубежья пореволюционной эпохи сконструирован по правилам оппозитивной формации с присущими ей механизмами смысло- и текстопорождения. Оппозитивность газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920 (22) гг. обусловлена модализованностью языкового сознания идеологического субъекта. Модальность *неприятя* / *приятя* определяет особенности структуры конфликтного газетного текста как единицы идеологически направленного дискурса. Идеологическая модализация способствует процессу переосмысления слова в дискурсе и связана с мировоззренческими ценностными предпочтениями. Наблюдаемые сдвиги в лексической парадигматике и синтагматике свидетельствуют о формировании в 1917–1922 гг. языка русского зарубежья как особого идеологического варианта общенародного русского языка.

4. Оппозитивность в модусе неприятя и установки на противодействие *Другому* первоначально формируется на дотекстовом уровне языкового сознания с его ментальными механизмами смыслового конструирования в схемах и образах, а затем реализуется в тексте с помощью вербальных механизмов смысло- и текстообразования. Оппозитивность существует в газетном дискурсе открыто, в собственно речевом выражении, и имплицитно.

5. Исследовательская модель оппозитивности предполагает изучение текстовых структур, которые отображают идеологизированное мировосприятие в трех основных аспектах речевой организации: репрезентативном, апеллятивном, экспрессивном. В оппозитивном газетном дискурсе русского зарубежья вырабатываются:

специализированные речевые средства репрезентации: идеологемы, прагмемы двойственной направленности (с диктумной семантикой «конфликт», «насилие», «гибель» / «болезненное состояние» и модусной семантикой «неприятя», «сострадание», «обвинение»), а также предикатно-

аргументативные структуры интерпретирующей оппозитивной семантики (1);

специализированные речевые средства апеллятивности: обращения, перформативы; модусные высказывания речемыслительной и целеобразующей семантики, оценки достоверности; графически значимые сигналы иронической идеологизации чужого слова; идеологически значимые синтаксические отношения, отражающие согласованность или противопоставленность внеязыковых фактов; метатекст с включением позиций *мы-агенса*, *мы-пациенса*; разнообразные «как-компоненты»; статусные наименования субъектов речи; оппозитивно нагруженные имена собственные и другие средства персонализации врага в дискурсе (2);

специализированные речевые средства и приемы направленной экспрессивности; полифункциональные кванторные слова *все* и *все*, использующиеся для выражения экспрессии, а также для обобщения, идентификации, интенсификации (3).

6. В соответствии с идеологическим критерием – отношением к центральному объекту оценки (большевизм) и репрезентацией особого способа мировидения – выделяются разновидности оппозитивного газетного дискурса: *радикальный* (антибольшевистский и пробольшевистский), *умеренный* и политически *нейтральный* (в торгово-промышленной газете).

7. Значимыми для интерпретации собственно мировоззренческих концептов в газетах русского зарубежья являются вербально определенные бинарные оппозиции социально-классового, философского, этико-речевого, литературно-деятельностного характера.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется разработкой методики дискурсного анализа с учетом факторов, обуславливающих сосуществование идеологически разнонаправленных газет. Обоснованные в диссертационном исследовании категории оппозитивного газетного дискурса, продемонстрированная процедура его когнитивно-семантической реконструкции методом выявления разнохарактерных оппозиций могут быть использованы в теоретических трудах по когнитивной лингвистике, медиастилистике, дискурсологии, теории речевой коммуникации. Результаты анализа языка газет русского зарубежья 1917–1920 (22) гг. окажутся полезными для изучения языка современного русского зарубежья, а также для выявления вербально выраженных общементальных духовных скреп. Полученные научные результаты заполняют лакуну в истории российской печати, поскольку дают представление о журналистском наследии эмиграции первой волны; результаты исследования могут быть использованы в лингвокультурологии, поскольку, благодаря анализу когнитивно-семантических особенностей дискурса, демонстрируют особенности менталитета и ценностных предпочтений разных социальных групп. Комплексный анализ различных видов оппозитивности в их взаимодействии способствует развитию

концепции диалогичности в приложении к СМИ.

Научная новизна. В научный оборот введен корпус ранее не изученных или односторонне изученных русскоязычных эмигрантских газетных текстов 1917–1920 (22) годов; поставлена проблема изучения совокупности идеологически неоднородных текстов газет русского зарубежья определенного периода; предложена интерпретация оппозитивного дискурса и субъективированности феномена идеологии в газетном дискурсе; выявлена роль кванторного слова (концепта всеобщности); в аспекте оппозитивности охарактеризована языковая специфика газет разной идеологической направленности.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации внедрены в учебную практику факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета (ВШЖиМК). Автором изданы учебные пособия: Субъективность – модальность. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с. (11, 8 п. л.); Основы русской грамматики: Языковая норма. Слово и предложение. – СПб.: Изд-во «Сударыня», 2007. – 121 с. (7, 25 п.л.). В учебную практику Уральского федерального университета внедрено учебное пособие, подготовленное в соавторстве с Л. М. Майдановой и др. «Аргументация в публицистическом тексте: жанрово-стилистический аспект». Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 244 с. (17, 1 п. л. / 1, 58 п. л.).

Полученные результаты могут быть использованы для обновления материалов вузовских курсов стилистики русского языка, риторики, для разработки спецкурсов по проблемам медиастилистики, когнитологии, политической лингвистики, дискурсологии.

Апробация работы. Содержание диссертации, базовые идеи и результаты исследования были в разное время представлены научной и журналистской аудитории на международных, межрегиональных и межвузовских конференциях и семинарах. Важнейшие из них: Международная научно-практическая конференция «Журналистика – XX век: эволюция и проблемы» (С.-Петербург, ф-т журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, апр. 1996); IV Международная конференция «Проблема "другого голоса" в языке, литературе и культуре» 27-29 марта 2003 г. (С.-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена); Международная научная конференция 16–20 ноября 2010 г., посвященная юбилею М. Н. Кожинной «Речеведение: современное состояние и перспективы» (Пермь, Пермский государственный университет); VII Межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием «Современный русский язык и особенности его функционирования в различных сферах общения» 25 апр. 2011 г. (С.-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, Институт социологии и управления социальными процессами); 51-я Международная

научно-практическая конференция «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения» 19–20 апр. 2012 г. (С.-Петербург, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета); Международная научная конференция «Политическая коммуникация» 24–26 сентября 2013 года (Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет).

Структура и объем работы. Диссертация объемом 504 страницы состоит из введения, двух разделов, четырех глав, заключения, а также включает списки примечаний, сокращений и условных обозначений. В списке использованной литературы – 526 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, его актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость.

Раздел I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА О РОССИИ В ГАЗЕТАХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1917–1920 гг. состоит из двух глав.

Глава 1 Дискурсно-когнитивный анализ и понятие оппозитивного дискурса эпохи кризиса является определяющей для выдвижения исходных положений анализа, поэтому ее содержание будет представлено развернуто. Интерпретируются основные понятия дискурсного анализа, разрабатывается полевая модель доминирующего в газетах РЗ антибольшевистского дискурса. Большая часть главы посвящена когнитивно-семантическому обоснованию анализа формации газетного дискурса методом выявления оппозиций. При этом обязателен выход за пределы языковых форм, содержащихся в самом тексте как сверхсложном знаке со своей «интерпретантой»¹⁴.

Цель первой главы реализуется в ходе решения задач, отраженных в трех подразделах: обозначить исходные пункты в концепциях идеологии, обосновать дискурсный статус понятий, необходимых при анализе дискурса (1.1); рассмотреть контекстологические подходы к анализу дискурса, обозначить модусные составляющие идеологической пресуппозиции, предложить полевую модель оппозитивного дискурса о России (1.2); определить принципы интерпретирующего когнитивно-семантического анализа оппозиций газетного дискурса (1.3).

В подразделе *1.1. Концепции идеологии в отношении к анализу. Дискурсный статус понятий «идеологический субъект» и «позиция*

¹⁴ См.: Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура : Факты и ценности : к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – С. 283–294.

субъекта» основное внимание уделено понятию «идеология» и его толкованиям в связи с последующим анализом газетного дискурса. Взаимодействие феноменов «текст ↔ дискурс ↔ действительность» характеризуется как «ответное». Раскрывается специфика понятий «идеологический субъект» и «позиция субъекта».

Под *идеологическим субъектом* газетного дискурса понимается абстрактный субъект, или тот условный субъект, кому может принадлежать данный дискурс. Такой субъект «кристаллизуется» в дискурсе и существует в коммуникативном пространстве «по диагонали», то есть во множестве текстов–высказываний. Черты идеологического субъекта, которые его определяют, вписаны непосредственно в сам дискурс. Согласно французской школе дискурсного анализа, дискурс – это специфическая область сознательного и бессознательного, превращающая любого субъекта в «подданного» под влиянием идеологической пресуппозиции (преконструкта)¹⁵. В рамках конкретного описания абстрактный идеологический субъект (ИС газеты) рассматривается в качестве условного субъекта–оператора, влияющего на актуализацию главных смыслов. Возможна некая концепция «точки зарождения» акта высказывания. Эта «точка зарождения» понимается как устойчивая позиция, в которой, на уровне дискурса, субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемыми.

Подраздел **1.2. *Целостный контекстологический подход и полевая модель газетного дискурса*** посвящен характеристике пореволюционной кризисной эпохи и проектированию полевой модели газетного дискурса русского зарубежья.

В период кризиса 1917–1922 гг. (кризиса политического, военного, экономического, культурного) конфликтный потенциал общества достиг предела. Если представить состояние российского политического сознания, используя тактический символ *Другой*, его можно описать следующим образом: враждебный *Другой* мыслится и вне общества (внешний враг), и в его составе (внутренний враг), находится в центре ментального поля участников диалога, которые воспринимают *Другого* антагонистически. Это положение создает тот высокий уровень напряженности в умственном и речевом состоянии общества, который можно объяснить лишь процессом поляризации национального сознания. Признаками раздвоения национального сознания был отмечен весь XIX век: славянофилы и западники, нигилисты и либералы, монархисты и анархисты, социалисты и консерваторы (Пыпин 1906; Плеханов 1925-1927; Островский 2000;

¹⁵ Ср. : Серио П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – М. : Академ. Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 556.

Слобожникова 2001)¹⁶. В первой четверти XX века оппозитивное состояние русского политического сознания резко обострилось (Бердяев 1990; Исаев 1992; Верт 1995; Архипов 2000). В этой связи особого внимания заслуживают отражающие антропоцентрическую суть явления порождающие факторы оппозитивной формации дискурса о России.

Предлагается опыт анализа дискурса с учетом внешнего поля и внутреннего поля зависимостей оппозитивной позиции ИС газеты. К **внешним** факторам оппозитивности в газетном дискурсе относятся общесоциальные причины: противоречия классового характера и столкновение интересов собственников; война как фактор ожесточения конфронтации; оппозиция разных групп по отношению к власти, увеличение и разделение противников «старого режима»; аномальное усиление влияния деклассированных и авантюристских элементов в разных слоях общества; противостояние культур; деформация психики членов общества под влиянием экстремальных событий; изменение субъективных ценностных предпочтений и убеждений (в противовес традиции); «биологизация» и массовая дезорганизация поведения; формирование катастрофического сознания и связанное с последним увеличение потока эмиграции из России.

Российский дискурс эпохи кризиса входит в сложную по своим ориентациям историко-культурную среду, обладающую объектами, которые в обстоятельствах нового времени проявили свойство к противоположению. К таким оппозитивным объектам относятся *русская* ментальность и *групповой* менталитет, традиционная (*консервативная*) культура и культура *модернизма*, параллельно – *прежний* язык и *новый* язык. В эпоху революций и войн в пространстве культуры существует не просто обычный для жизни конфликт «идеал» / «действительность», а конфликт вида – «архетипы русской ментальности» (В. В. Колесов)¹⁷ / «другая» жизненная идеология, включающая программу преобразования действительности¹⁸. Появился и ответ в духе идеологической оппозиции новым ценностям (сборник статей «Из глубины»)¹⁹: картина мира реализуется как своего рода контекст, в

¹⁶ См. также : Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 26-41.

¹⁶ Подробнее об этом: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Репринт. воспроизв. издания YMCA-PRESS, 1955. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990; Верт Н. Российская империя в начале XX века: Политические, экономические и социальные противоречия // История советского государства 1900-1991 / Перев. с франц. – Изд. 2-е. – М. : Прогресс-Академия, Весь мир, 1995. – С. 7–32.

¹⁷ См.: Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб. : Златоуст, 1999. – С. 112 – 137.

¹⁸ Солонин Ю. Н. Аспекты моральной философии модернизма // Этическое и эстетическое : 40 лет спустя : Матер. науч. конф. 26–27 сент. 2000 г. – СПб. : С.-Петербург. филос. об-во, 2000. – С. 148–152.

¹⁹ Из глубины : сб. ст. о русской революции // Пути Евразии: русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. – М.: Рус. книга, 1992. –С. 28–36.

рамках которого обсуждаются концепции *Другого*, соответствия и различия новых и старых ценностей, контактирующих и противоборствующих в революционной России. Содержание критики нашло свой отзыв в газетах русского зарубежья.

К *внутренним* факторам оппозитивности в газетном дискурсе относится модализация сознания идеологического субъекта. Мы связываем способ существования нарративного субъекта с *идеологической* модализацией, которая является источником типовых операций. Теоретическое разделение мира внешнего и мира внутреннего может преодолеваться на основе рассмотрения их живой связи с учетом процесса лингвоидеологической модализации текстов, которая рассматривается и как предварительное условие высказывания (включая когнитивный модус), и как потенция действия (включая интенциональность). Интенциональное состояние предшествует речевой экспрессии, а модализация имеет отношение к текстообразующим механизмам модуса. Согласно существующим представлениям, он «способен создавать сложную модусную перспективу – логические, эмоциональные и выразительные линии, по которым определенные модусные смыслы распространяются на определенные дистанции текста, решая задачи воплощения авторских интенций»²⁰. Отметим, что в диссертационном исследовании речь идет о дискурсе, а значит о модусной перспективе множества текстов, воплощающих общее (групповое) намерение.

Предмет модализации – представление, от которого зависит позиция идеологического субъекта, а за ним и читателя. В речи оппозитивная модализация существует как охватывающая текст политико-идеологическая (социально-оценочная) категория, связанная с «неприятием» или оппозитивным *Другому* «приятием» объекта оценки. Идеологическая оценка с ограничивающим ее концептом «приятие» или «неприятие» распознается в дискурсе как модальная рамка, которая накладывается на дескриптивное содержание языковых выражений, но, строго говоря, определяется политической разновидностью дискурса в целом, то есть всем комплексом его элементов, включая идеологический преконструкт, модальность, точку зрения, ситуативную пресуппозицию высказывания, стереотипы и шкалу оценок, которые существуют в представлениях говорящих (или созданы усилиями групп). В идеологическом контексте с его специфическими референтами мы имеем дело с таким типом оценки, которая включается в общий когнитивно-семантический процесс модализации самой темы русского большевизма в газете.

Таким образом, о п п о з и т и в н ы й д и с к у р с понимается как идеологическая формация, которую невозможно рассматривать в отрыве от

²⁰ Копытов О. Н. Textoобразующая роль модусных смыслов на фоне сферных различий (на материале современной прозы) : автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Великий Новгород, 2014 – С. 7.

явления «мир дискурса» и его интерпретации. Выделяются три общих ориентира в интерпретации феномена «мир дискурса».

1) Поле внешнего, предметно-практического, включающее материальную и идеальную стороны действительности. Поле *внешнего* как одна из социальных ипостасей дискурса подразумевает дотекстовой предметный мир (пресуппозицию), особую часть которого составляет мир идеологии.

2) Поле внутреннего ментально-психического, подразумевающее модализованное состояние сознания субъекта *до* и *во время* акта речи. В конечном итоге психическое переживание суть становящееся внешним внутреннее.

3) Центр дискурса составляет *особая картина мира*. В изучаемом явлении она существует как трансформированная модализованным сознанием языковая репрезентация, структурно организованная когнитивно-семантическим противоположением.

Подраздел **1.3. Интерпретирующий когнитивно-семантический подход к анализу формации газетного дискурса методом выявления оппозиций (основные положения и понятия)** посвящен когнитивному обоснованию анализа формации газетного дискурса указанным методом. В центре внимания – социальная ситуация и «путь», которым шло порождение оппозитивного дискурса. Тип рассматриваемой ситуации определяется как содержательно-идеологический конфликт или ситуация согласованного взаимодействия на фоне конфронтации с *Другим*. Речевые значения оппозитивности актуализированы и «вычисляются» в результате анализа такой ситуации в контексте сообщаемого. Ментальная сторона оппозитивности отражается в закономерностях, предопределяющих то, какая картина мира демонстрируется. Обозначим их в последовательности.

1. Концепты модализации («неприятие» / «приятие»), характеризующие психологический контекст высказываний, уже предполагают конфликтное взаимодействие на фоне выраженных негативных эмоций.

2. Акцентированная в речи оппозиция, нередко возникающая под влиянием аффекта, связана с нарушением норм речевого поведения или нравственных предписаний.

3. Актуализация заданного идеологического канона в скрытом виде, модализация речи приятием или неприятием на канонической основе – как следствие – влечет за собой осмысление слов в рамках действующей идеологии. Это и есть когнитивно-речевой механизм модализации в дискурсе.

Приведем один пример из пробольшевистской печати. Метаязык ее дискурса своеобразен, так как он репрезентирует идеологию классовой борьбы. Информация, транслируемая словом-концептом «большевизм» американской пробольшевистской газетой, семантизируется в двух

направлениях – в *предметно-тематическом* ('активная деятельность с позиций силы') и в *модальном* ('вызывающая одобрение деятельность'):

Течение большевизма идет все дальше к нашей великой радости... Большевизм является народным восстанием против старого режима... Захватывая власть, большевики занимают места, где раньше сидели сатрапы старого режима. Типичная большевистская революция – это политическая революция – насильно... Можно ожидать, что волны большевистских восстаний захватят всю Европу <...> («Голос труженика»: Чикаго).

При содержащейся в тексте семантике отрицания (в наименованиях «старый режим», «сатрапы старого режима», «восстание против», «насильно», «захватят») идеологическая оценка воспринимается как позитивная. Более того, семантика одобрения в тексте усиливается не только вопреки, но благодаря тому, что присоединяет и преобразует конкретные смыслы негативно означенного. Смыслы трансформируются в сторону интерпретации 'устранение врага', 'успешно преодолеваемое препятствие'. Процесс переосмысления осуществляется путем движения по линиям верховных отношений через высшую меру общности – покровы идеологического понятия ('важный успех большевиков', 'успех политической борьбы'). Охватывающий высказывание смысл в модусе приятия не однолинеен. В тексте он складывается, по крайней мере, из двух линий пропагандистской модализации: утверждение очевидности происходящего; уверенность в том, что так и должно быть.

Идеологически ценностные аспекты означивания, связанные со сверхсмыслом языковых выражений, на первый взгляд могут показаться парадоксальными. Ср. оппозитивный смысл приведенного фрагмента в терминах общей оценки: 'Хорошо, что плохо сатрапам старого режима'. Оценка включает две составляющие – *модусную* идеологическую и *диктумную* фактологическую: *мод.* Хорошо, что; *факт.* плохо сатрапам старого режима. Модусная оценка относится ко всему высказыванию; ее определяют идеологически мотивированные концепты амбивалентного отношения: *неприятие* классового врага / *одобрение* борьбы с ним.

Так или иначе, з н а к и (+ / –) смысла и с т е п е н ь идеологической оппозитивности связаны с когнитивным модусом и модальностью. Широкое понимание модальности, включающее актуализирующую рамку (интенцию), идеологическую оценку и другие квалификативные категории, оказывается наиболее плодотворным для изучения смысловой организации высказываний в дискурсе. По механизму речевого действия идеологическая оценка связана с глаголами, которые обозначают состояния духа и выводные мыслительные операции: *я думаю, заключаю, что...* Подобные высказывания возникают в ментальном поле дискурса на основе ценностного преконструкта. В соответствии с преконструктом находится модальное сопровождение и утверждение приятия или неприятия картины действительности.

В подразделе **1.3.1. Ментальная область оппозитивного дискурса. Идеологические позиции и установки. Концептуализация** механизм

оппозитивности характеризуется как социальный механизм оценочного со- и противопоставления по критерию «норма (идеал) / антинорма (реальность)». Систематизируются основные термины лингвокогнитивного подхода применительно к оппозитивной модели дискурса и анализу пропозиций. Речь идет об импликации и реконструкции оппозитивных концептов, о гетерогенности дискурса. Понятие концептуализации связывается с интерпретацией смысла в определенной концептуальной системе. Импликация понимается как способ организации сознания, формирования концептуальных структур. Импликационные связи оказываются мыслительным аналогом реальных связей в картине мира говорящего.

Приводится предварительный сводный перечень концептуальных оппозиций, реконструированных в основной части исследования. Они объединены в группы по четырем параметрам.

(1) **Общечеловеческий параметр:** *здоровье / болезнь, жизнь / смерть, норма / антинорма, культура / одичание, человек / толпа*; этнический показатель – *китайцы / русские, германцы / русские, поляки / русские* и др.

(2) **Политико-идеологический параметр:** *большевизм / Россия, мир / война, диктатура / демократия, власть / народ, власть / общественное мнение*; военно-политический показатель – *защитник / враг*.

(3) **Эпистемический философский параметр:** *явление / сущность, содержание / форма, необходимое / случайное; единичное, особенное / всеобщее*; этико-философский показатель – *эгоизм / альтруизм, тело / дух, духовная сила / слабость*; архаический (мифопоэтический) показатель с его амбивалентностью – *земное – небесное, темное – светлое, высокое – низкое, внешнее – внутреннее*; *мир / антимир, свой / чужой*; религиозно-нравственный показатель – *добро / зло, Бог / дьявол (сатана)* и др.

(4) **Прагматико-поведенческий параметр:** тактика *«борьба» / «преступление», речь / умолчание, дело / слово*; социопсихический (эмоциональный) показатель – *приятие (одобрение) / неприятие (осуждение)*; *большевики(+)* / *их противники(-)*, *Керенский(-)* / *большевики(+)*, *фанатики-большевики(-)* / *немецкие офицеры(+)*; иронизмы в рамках оппозиции *большевики / буржуи*.

Оппозиции реконструируются с учетом взаимодействия горизонтального и вертикального контекстов. Коммуникативная структура акта речи рассматривается как дискурсивно порождающая, уточняются определения понятий «структурно-семантическая оппозиция» и «оппозитивность». Оппозиция и связанная с ней оппозитивность выводятся на поверхность в анализе дискурса как главный конструктивный признак его формации. Поскольку дискурсивная формация — это место образования смысла, оппозитивность трактуется не только в аспекте идеологической модальности (мотивированное неприятие), но и как выраженное противопоставление в речевом «теле» дискурса. Оппозиция – термин, который позволяет объединить все несогласия на основе прототипа *Другой*.

Такие проявления могут разительно отличаться, так как связаны с разными идеологическими контекстами и психическими модусами. Но в подавляющем большинстве случаев «оппозиция» – это содержательно и структурно воспроизводимое в дискурсе (в речи) противоположение, в широком смысле – оппозитивная номинативность, маркирующая характер несоответствия или противоречия в общественном сознании.

В подразделе *1.3.2. Интенциональность, оппозитивная модализация и ее инструментарий* описаны способы речевого воплощения идеологических оппозиций в газетном дискурсе. Рассматриваются модальные составляющие ментально-психического поля оппозитивного дискурса. Интенциональность – общее фундаментальное свойство ментальной и психической организации человека, которое заключается в стремлении выразить (репрезентировать) в речи свои мнения, желания, убеждения, опасения, надежды, другими словами – психологические состояния. Посредством этого свойства человеческой психики (сознательного или бессознательного), ментальные состояния направляются на объекты и положения дел внешнего мира.

Специфика идеологической работы в сфере публицистики состоит в том, что это пропагандистская деятельность ярко выраженной оценочной (прагматической) направленности. Основная функция речевой модальности – управление процессом интерпретации высказываний адресатом. Интерпретирующая функция базируется на ценностных параметрах отражения действительности, проявляется через поведенческие ориентировки и регуляции, в основе которых лежит идеологическая оценка. Она является основой механизмов модализации, служащих задачам идеологии, поскольку выступает как связующее звено между ментальной сферой говорящего и социально-культурным, в том числе речевым, контекстом. Идеологической оценке принадлежит ведущая роль в изменении значений, в переоценке слова и его перемещении из одного ценностного контекста в другой. Выявляется идеологически превращенный характер модальности, способствующий процессу эффективного внедрения означиваемого конструкта (риторической формы идеологии) в общественное сознание. В этом ракурсе понятие «операциональный модус» может трактоваться как способ операций со знаком в механизме управления деятельностью.

Анализируются научные представления, связанные с термином «модус» и его операциональным толкованием в грамматике, в лексике и, наконец, в тексте. В последнем случае методология операционализма ярко выразилась в концепции речевой структуры текста, определяющей стратегии поведения говорящего для выполнения задач сообщения. В этой связи отмечается своеобразие категории «точка зрения» в дискурсе. Это своеобразие определяется идеологией. В свою очередь эпистемическое и особенно аксиологическое видение прямо зависит от точки зрения, с которой

ведется наблюдение. Не модальность, а именно точка зрения определяет интерпретацию объекта субъектом (модальность лишь управляет этим процессом). При этом идеологическая «точка зрения» обозначает автономный по отношению к говорящему способ существования текстов в дискурсе. Этот способ существования подразумевает извне заданный идеологический проект, ограничения, настроенную «оптику» рассмотрения объекта и актуализационные возможности формы. В модальной рамке точка зрения существует вместе с субъектом идеологии и способна определять в тексте направление смыслового означивания.

В соответствии с идеологическим пониманием модализации находится функция предиката с его способностью образовывать смысл высказывания «под диктатом» концепта «приятие»/«неприятие». Предикаты соответствуют не «вещам», а «отношениям». Физическое и психическое, объективное и субъективное в определенные моменты (то есть в речи) содержат общие элементы; предикация издавна осознавалась как связь и момент этой общности²¹. В трактовке понятий «ментальное состояние», «модализация», «картина мира» мы придерживаемся взглядов А.-Ж. Греймаса, Ж. Фонтания²². Ментальное состояние – это «состояние вещей» в трансформируемом субъектом мире; это также и «состояние души» субъекта-оператора, который готов к действию, и само переживание отношения в различных аспектах и трансформациях. Ментальное состояние уже предполагает концептуальную структуру и код, предшествующие речи. Идеологическое и эмоциональное переживание отношения выражается в модализации субъекта через модализацию объекта (Россия) и вкладывается благодаря языку в речь и тексты.

Процесс модализации и текстовая модальность рассматриваются применительно к речевой ипостаси дискурса. Выделяются *дотекстовой* и *текстовой* этапы модализации. В ментально-психологическом поле оппозитивного дискурса дотекстовой этап модализации высказываний можно представить как идеологически и психологически детерминированное пропозициональное отношение. Оно складывается на уровне сознания с учетом зависимостей в поле внутреннего:

априорное знание и ценностное отношение на его основе к действительности

ментально-психическое (интенциональное) состояние
отношение сознания к предмету, зависящее от состояния сознания и
направленное на положение дел внешнего мира

модализация на уровне смыслов текста

²¹ Обзор мнений, историю вопроса см. в монографии: Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак. – 2-е изд. М.: Либроком, 2010. – С. 124–181.

²² Греймас А.-Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей: от состояния вещей к состоянию души: пер. с фр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 24-31, 43-49.

↓
конкретные интенции по созданию текста (высказывания)

Имея в виду *текстовой* этап модализации, можно говорить о модализации в узком и в широком смыслах. В узком смысле текстовая модализация включает в себя то, что традиционно называется эпистемической и деонтической модальностью: выражение знания, уверенности–неуверенности, хотения, долженствования, возможности–невозможности (применительно к идеологии текста). Эти виды модальности основаны на рациональной категоризации и составляют модальные структуры как часть инструментария дискурса с его способами интерпретации происходящего. Другая же часть, если понимать модализацию в широком смысле термина, – это наблюдаемые на уровне поверхностных нарративных структур модальные устройства, охватывающие номинативно-прагматическую, предикатно-аргументную и когнитивную области пропозиции. В номинативно-смысловом аспекте модализация – довольно сложное семантическое явление, связанное «с коннотативными компонентами интерпретации обозначаемого»²³. Идеологическая модализация – это пересечение множества структур, путь от одной модализации к другой в границах всего синтаксического развертывания. В силу этого предикат может быть «сверх–детерминирован»²⁴. Актантные категории в их ролевой семантике, характер их обозначения в целом носят модальный характер и способны наделять собственным модальным статусом сообщение как «зрелище» (*spectacle*). Сама структура сообщения предписывает определенное видение мира. При этом отношение сознания к предмету может принимать различные модификации.

Специально рассматривается эксплицитный модус в отношении к идеологическому субъекту дискурса. Проблема интенциональных актов анализируется как связанная с проблемой описания модальностей, которые известны под именем «пропозициональных установок» (типа «Он считает, что...»). Обособленный от диктума эксплицитный модус порождается полемикой, внутренним или явным диалогом. Благодаря предикатам (модальным глаголам *не хочу, приказал, может*), предикативам (*необходимо, удивительно, печально*) актуализируются представления, особенно значимые для идеологического субъекта оппозиции. В оппозитивном дискурсе с мотивированно развернутым и открыто эмотивным ментально-психическим полем внутреннего переплетаются все виды эксплицитных модусов, выделенные по характеру предикатов: перцептивных, ментальных, эмотивных, волитивных.

²³ Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – С. 134.

²⁴ См. об этом: Греймас А.-Ж., Фонтаний Ж. Указ. соч. – С. 25.

Общей чертой кризисного сознания выступает так называемый «негативизм». Этой особенности посвящен подраздел **1.3.3. Концепт "отрицание" в ментально-психическом поле дискурса. Модализованная неприятием типичная референт-ситуация в дискурсе: фреймы «война» и «болезнь»**. Идеология отрицания предполагает внутреннее психическое переживание, становящееся внешним. Мир в эпоху кризиса воспринимается негативно, а модализация состояния субъекта проходит через модализацию объектов. Утрата ценностного объекта равнозначна его исключению из круга жизни. Например: «России, которую я знала и любила, нет больше на свете» (В. Засулич). В разделе дается краткий обзор толкований понятия «отрицание» в философии и лингвистике. В речи отрицание не может быть «вещью в себе», оно связано с категорией цели, с оценочностью. Концептуализированная отрицанием область восприятия в модусе – ответное следствие общей модализации социального дискурса в эпоху радикальных перемен. Оппозитивное отрицание подразумевает *акцентированное* неприятие и противодействие в условиях поляризации ценностных представлений; его роль в полемике – одна из самых главных.

Интерпретируются номинации, определяющие специфику концептов «война» и «болезнь» в газетном дискурсе РЗ. Существуют архетипические структуры мышления, которые сохраняют общие черты, обновляясь в процессе социального развития. К ним относится глобальная оппозиция *мир / антимир*. Изучаемый материал показывает, что дискурс содержит очевидное и скрывает неочевидное в речи говорящих. Очевидное: групповой менталитет в эпоху войн характеризуется типичной совокупностью элементов, концентрирующихся вокруг концептов «борьба» (война) и «насилие» (гибель). Неочевидное: речевой социокультурный контекст структурируется на базе прототипа «антимир» как ценностной пресуппозиции, родившейся в сакральном противопоставлении: «мир Божий» / «мир Дьявола» («верхний» мир / «нижний» мир; «рай» / «ад»).

В газетном дискурсе РЗ находят отражение две ипостаси концептуальной области «война»: 1) дискурс *о войне*, 2) дискурс *войны* – косвенного противодействия, негативной модализации события. Идея *болезни* проявляется в текстах как параллельная, а иногда и сопутствующая теме Гражданской войны и беспощадной борьбы с политическим противником. Соответствующая тематическая группа включает номинации значения, которые осмысляются по ассоциации с представлениями о телесной или психической болезни. Главным же является морально-нравственный аспект интерпретации идеи болезни как тяжелого социального недуга под именем *большевизм*. Вопрос о концепте «болезнь» имеет свой культурологический аспект. Как показывает анализ оппозитивного газетного дискурса, метафора болезни – это не только характеристика большевизма и состояния России. Она относится к самому интерпретатору – нарративному субъекту. Модализация неприятия охватывает ментальную сферу, внутри

которой формируется особое содержание концепта «большевизм», устанавливаются рамки оценок, санкционированных общественной группой. Все это свидетельствует об основополагающей роли модальности нагрузок в структурировании картины мира и формации дискурса.

Глава 2. Проявление ментально-речевого механизма оппозитивности в газетном дискурсе русского зарубежья посвящена текстопорождающим аспектам оппозитивности. Предпринят анализ оппозитивного газетного дискурса на базе ведущей текстовой ситуации, в центре которой находится концепт «борьба». Анализ направлен на подтверждение гипотезы об универсальности оппозитивной формации дискурса о России вне зависимости от жанра текста. Устанавливаются связи оппозитивности с текстовыми функциями репрезентации, апеллятивности и экспрессивности; выявляются в содержании оппозитивной картины мира парадигмы устойчивых элементов; уточняются идеологические особенности картины мира в оппозитивном газетном дискурсе; интерпретируется содержание концептов «Россия» и «большевизм»; выявляются имплицативные и эксплицативные способов существования оппозитивности в рамках новости; описываются аффектированные высказывания с частотным кванторным словом *все*.

В подразделе **2.1. Оппозитивность картины мира в дискурсе РЗ** изучение семантико-речевых оппозиций в структуре газетного текста проводится в традициях теории текстовых единств – на парадигматическом и синтагматическом уровнях анализа. Идеологическую модализованность сознания и речевую модальность текста (результат чувствования и мышления) мы рассматриваем в единстве их ментально-речевого существования. Обе ипостаси (и когнитивная, и речевая) объединяются в составе психологического модуса, выражая участие идеологического субъекта («точки зрения» говорящего) в репрезентации действительности. При этом «включение» модальности в диктум, согласно Ш. Балли, происходит на уровне языкового выражения. Экспликация ментальных и вычленение речевых противоположений помогает представить совокупность знаний и мнений в виде моделей понимания картины действительности.

В подразделе **2.1.1. Оппозитивность мира в именовании доминирующего действия (концептуальные парадигмы)** на парадигматическом уровне анализа, охватывающем массивы новостных текстов, главный объект наблюдений – лексика с учетом ее концептуализации в коммуникативном центре высказываний. Моделирование типичных для оппозитивного дискурса способов репрезентации осуществляется методом структурного семантико-речевого анализа. По диагонали дискурса выявились устойчивые когнитивные схемы речевой семантики, которые можно представить в виде ментальных соотношений референциальной и модальной семантики: *конфликт – насилие – гибель (болезнь); неприятие – сострадание – обвинение; количественность*

– *качественность; болезненность – аморальность*. Для новостного дискурса типично наложение референциальной и модальной парадигм. Выявленные парадигмы связываются с архетипами христианского сознания: состраданием к жертвам насилия и осуждением насильников.

Подраздел **2.1.2. Семантико-речевые оппозиции в структуре текстовой референт-ситуации с концептами «Россия» и «большевизм»** посвящен синтагматическому анализу выявленных оппозиций. Их выражение различается в зависимости от жанра публикаций. Велика роль контрастов модальности (сочетаний утверждения и недоумения, удивления и сострадания), иронических оттенков модализации неприятием. В составе высказываний устанавливаются связи и отношения, по-новому конституирующие понятия «Россия» и «большевизм».

Россия (Совдепия) и *большевизм* существуют в разных ипостасях категоризации концептуального содержания. Концептуальный образ России реконструируется в интерпретациях концепта «болезнь» (*милая, растрепанная, безумная родина*) и архетипа «мать». Образ большевизма опосредован концептами «власть» и «болезнь», а наименование «русский большевизм» является символом, в котором закодировано и смысловое пространство (революция, Гражданская война) и его новая предметная сущность (власть террора, преступление). В оппозитивном газетном дискурсе слова «Россия» и «большевизм» стали прагмемами: в них предметное и оценочное значения предстают жестко связанными.

Идея умственного и психического расстройства, характеризующая участников событий, обнаруживается в структуре сообщений фактологического характера благодаря лексико-синтаксическим контрастам, смысловым несоответствиям, разным видам синтагматического противопоставления. При этом именно различного рода «несоответствия» акцентируют в передаваемой ситуации ее ненормальность и болезненность.

Положение дел и модализованная оценка этого положения могут быть скрыто оппозитивными. Они подразумеваются или «вычитываются» дополнительно. Ниже модель коммуникативной ситуации отражает внутритекстовую (чужая речь) точку зрения большевиков и относящуюся к ней в качестве внешней имплицитную точку зрения газеты «Общее дело»:

Между лицами, расстрелянными в последние дни в Петрограде, фигурируют девять журналистов, редакторов или сотрудников «буржуазных» газет. Они осуждены, согласно официальному сообщению, за то, что «возбуждали своими писаниями население против советского правительства» (ОД 1918, 12 окт.).

м о д е л ь с и т у а ц и и

Явленная в тексте точка зрения большевиков	конфликт → насилие → гибель
Н е я в н а я точка зрения ИС газеты	↑ неприятие (сострадание – обвинение)

Главная и постоянная составляющая идеологемы «большевизм» в антибольшевистских газетах зарубежья – метафорическая оценка: большевизм – опасная болезнь. Она имеет свойство заражать другие народы. Используются антропоцентрические метафоры болезни, лечения, опоры, падения и пр. В текстах возникают ряды ментальных и семантико-речевых противоположений, которые появляются в соответствии с концептуальным разграничением «антинорма» (*болезнь*) / «норма» (*здоровье*). «Большевизм» понимается, во-первых, как агрессивное проявление доктрины тоталитарного переустройства общества, соотносимого по результатам своего осуществления с низшими формами социальной жизни, а по методам – с формами болезненной и преступной жестокости; во-вторых, как социальный и – на уровне индивидуума – психический и умственный недуг, связанный с противоречивой судьбой великого и, в то же время, угнетенного и отсталого народа, в краткий срок претерпевающего величайшие исторические катаклизмы.

В текстах концептуальное поле антинормы / нормы включает в свой онтологический аспект обобщенно-историческое знание о России: реализуется скрытая ментальная оппозиция концептов *Настоящее / Прошлое* и *Будущее* для России. Характерны модальные противоположения текстовых референт-ситуаций: *реальная ЕСТЬ=РС* и *БУДЕТ=РС*, *ирреальная, веры = Долженствующая быть* ситуация. *Есть=РС* отмечена по текстам наличием семантики конфронтации и гибели (разлада, разрушения). *Долженствующая быть=РС* отмечена семантикой необходимости единодушия (согласия, общего блага).

Подраздел **2.2. Оппозитивное в «структуре апеллятивности» дискурса русского зарубежья** состоит из двух частей. В подразделе **2.2.1. Импликативная и эксплицированная оппозитивность в метатексте и диктуме новости** рассматривается подача новости в политизированных газетах РЗ, определявшаяся идеологической точкой зрения на событие и «гипотезой адресата»²⁵. В подаче диктума выделяются модусы утверждения и отрицания пропозиции. Оппозитивное в структуре апеллятивности проявляется в ориентации читателя на два полюса ментальных представлений (оппозиция *мы / они*). Очевидно стремление субъектов использовать идеологические и технические в речевом смысле стереотипы как средства, упрощающие контакты и понимание импликативного в общении. Сигналы альтернативной позиции в объективированном изложении новости понятны читателю в модализованном контексте, так как читатель преимущественно осознается как носитель ценностей той группы, к которой относится передающий сообщение. Кроме выбора наименований, сигналами альтернативной позиции являются определенные элементы избыточности, оценочные предикаты, идеологизированный заголовок.

²⁵ См. : Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. – С. 59 и сл.

Реконструируется неявный уровень оценки в пресуппозиции: он предполагает дотекстовую квалификацию полученной агентом новости для передачи ее читателю. Такая квалифицирующая операция может быть представлена в виде дейксиса *Это Adv-o*, где дейксис указывает на полученное сообщение (стимул), а предикативом выступает оценочная реакция. Можно предположить, что предварительная модализация сообщения в пресуппозиции отражает рациональное и эмоциональное отношение к полученному сообщению. А именно: согласие или несогласие с полученной информацией (*это верно* \approx известный факт / *неверно, маловероятно*); констатацию познавательности сведений (*это важно / интересно*); логическую оценку (*это логично / убедительно / странно*); утилитарную идеологическую оценку (*передаваемое нам выгодно / будет полезно*); общую оценку (в формулах *это хорошо / плохо*); общемодалную оценку (*передать это можно / необходимо*); этическую оценку (*это преступно / аморально; справедливо / несправедливо*). Иногда такого рода операциональные примитивы эксплицируются в текстах и позволяют оценить когнитивное состояние говорящего, в т.ч. мотивы отбора тех, а не иных газетных событий.

В подразделе **2.2.2. *Оппозитивность идеологем (старое/новое, темное/светлое). Персонализация врага в дискурсе*** идеологемы характеризуются по контекстам пробольшевистского и антибольшевистского разновидностей дискурса. Важнейшим для событийного изложения становится имплицитно присутствующий мотив личной ответственности. Так, в антибольшевистской печати присутствует множество контекстов, изобилующих фактологическими деталями и ориентированными на целевую читательскую аудиторию именами собственными, несущими коннотативную информацию (Керенский, Троцкий, Ленин и др.).

Рассматривается функция экспрессивных слов как усилителей идеологем в газетных текстах пробольшевистской направленности. Описываются кванторы *все* и *всё*, риторическая функция которых непосредственно связана идеологическим заданием. Именно поэтому мы обращаемся к аспектам вербализованной экспрессии с учетом кванторных слов, ее поддерживающих. Материалом анализа служит антибольшевистская печать, широко использующая концепт всеобщности.

Подраздел **2.3. *Оппозитивность экспрессии в дискурсе РЗ: кванторное слово в газете*** завершает главу. Доказывается, что с когнитивно-семантической и функциональной точек зрения кванторные слова *все* и *всё* занимают место между условными контрапунктами «референция» (предметно-отождествительный план содержания) и «оценка» (подчеркнутая аффективность смыслового акцентирования). Внутренне аффективный дискурс соответствует психологическому состоянию говорящего и его субъективированной картине мира. Страстная напряженность, интенсивность эмигрантского антибольшевистского

дискурса есть не что иное, как смысловой эффект количественных вариаций в актантной и модальной структурах с квантором *все*. Эти вариации, представленные в разных формах, создают эффект чрезмерности. Кванторные слова действуют в пропагандистском дискурсе как резонаторы, создающие болезненную аффектацию речи, связанную с модусами обвинения и желания (необходимости). Слово *все* вбирает из контекста интеллектуальные и аффективные содержательные компоненты. Хотя референция слова проявляется, прежде всего, в связях с именами предметно-отождествительной семантики, однако аффективно выраженная идея общего в кванторе *все* нередко нивелирует предметный уровень референции сглаживанием разделительной множественности до совокупности. Сочетания *все* с конкретными именами исчисляемых референтов наблюдаются в высказываниях информационного типа. Но даже в информационном дискурсе эмигрантских газет квантор *все* тяготеет к оценочности и нередко выступает в составе метафоры-обобщения, а конкретные имена-референты подтверждают оценку. Например: *В городе возродились все прелести большевизма: налеты, аресты, обыски.*

В функциональном отношении наблюдается многоплановый, «сгущенный» режим действия слов *все* и *всё*: просматриваются одновременно реализуемые функции идентификации, обобщения, интенсификации:

Как и следовало ожидать, всё внутри России дезорганизовано. Коммунизм осуществляется в виде хищений, системы заложничества и многочисленных казней; Своей жестокостью они затмили всех когда-либо существовавших русских жандармов и палачей, рекой пролили народную кровь, чумой и холерой прошли из края в край по всей стране и довели ее до вырождения (НГ).

Отчетливо выявляются семантические величины, поддающиеся обобщению внутри данной культуры и характеризующие концептуализацию слова как факт культуры. Это касается смысловых и стилистических приращений, связанных со словом «большевизм».

Сформулирован итоговый вывод, подтверждающий гипотезу об оппозитивности как механизме текстопорождения в газетном дискурсе. Оппозитивность выступает в изучаемом дискурсе главным структурным организатором смыслообразования. Она опирается на ценностные ориентиры (концепты, фреймы), на идеологически активизированные модусы политического и гуманитарного сознания. В аффективном конфликтотенном дискурсе количественность и качественность, модальность и оценочность оказались взаимосвязанными. Типичным является наслоение модусов ментальных состояний говорящего (хотя они стандартны психологически) и оценочных коннотаций, поддерживающих смыслы обвинения и сострадания, ненависти и любви.

Раздел II ОППОЗИТИВНАЯ ФОРМАЦИЯ И СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА О РОССИИ В ПРЕССЕ РАЗНЫХ СТРАН РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1917–1920 (22) гг. состоит из двух глав, посвященных

описанию политизированных и неполитизированного разнообразий дискурса эмигрантских газет. Газеты РЗ рассматриваются с учетом отношения к русскому большевизму в контексте социокультурных и политических условий существования русской диаспоры в городах Маньчжурии, Америки и Европы.

В главе 3. Газетный дискурс с открыто выраженной оппозитивностью (политизированные газеты) выявляется специфика разновидностей оппозитивного дискурса в Маньчжурии (3.1.), в Америке (3.2.), в Европе (3. 3.) в самый острый период идеологического противостояния. Главным при выявлении разновидностей газет был критерий субъективно-идеологический (способ репрезентации, аргументирующий отношение к большевизму) и критерий субъективно-модальный (качество и мера интенсивности при выражении этого отношения). Однако при изучении разновидностей политизированных газет выявились и другие различия, обусловившие их специфику на местах. Это прежде всего внешние факторы влияния: степень включенности русскоязычного населения в события на родине (фактор интегрированности аудитории в российский дискурс); степень территориальной удаленности от национального центра (собственно географический фактор); степень изолированности русского населения в стране пребывания (фактор слияния с местным обществом и защищенности русских в социуме приютивших их стран); степень влияния на диаспору и газеты диаспоры со стороны местных властей (политический фактор); степень трудовой занятости эмигрантов в стране пребывания (трудовой фактор).

В подразделе 3.1. *Миграции в Маньчжурию и харбинская печать* доказывается, что антибольшевизм харбинской печати в разных изданиях неоднороден и варьирует от иронично-саркастической разновидности (в газетах «Маньчжурия», «Вестник Маньчжурии») к умеренно-ироничной («Призыв», «Труд») и, наконец, – к умеренно-нейтральной разновидности (в газете «Новости жизни»). Умеренный антибольшевизм харбинской печати можно было бы объяснить удаленностью от центральной России и, как следствие, меньшей вовлеченностью в события. Но, по-видимому, главной причиной была сосредоточенность на экономических приоритетах со стороны ведущей части русской диаспоры в Харбине. В текстах газет умеренный антибольшевизм являлся идеологическим качеством дискурса, который характеризуется критикой, заметным неприятием большевизма и, в то же время, отстраненностью идеологического субъекта, часто выражавшейся утрированно комической формой изложения.

На ментальном уровне в газетном дискурсе обнаруживаются: 1) классово-идеологические оппозиции, связанные а) с проблемой завоевания и применения власти (власть народа, «народоправство» / власть большевиков); б) с проблемой жизненных взаимоотношений представителей классов (рабочие / буржуазия); 2) архетипические ментальные оппозиции,

опирающиеся на религиозное сознание: *земное / небесное, внешнее / внутреннее*. Обусловленная местом Этническая оппозиция *русские / китайцы* в харбинской прессе целенаправленно нейтрализуется.

На семантико-речевом уровне основными способами оппозитивной формации выступают приемы противоположения и синтагматического контраста частей высказывания: 1) прием композиционно-смыслового противоположения; 2) прием семантико-стилистического контраста деловых, разговорных, революционно-риторических, литературно-поэтических элементов речи; 3) прием градации смысловых наименований, тяготеющих к выражению крайней степени негативной оценки; 4) включение литературных аллюзий, перифраз, цветовых символов и конструирование семантико-стилистических парадоксов; 5) широкое использование средств создания комического: а) преувеличений, доводящих враждебный смысл до констатации его абсурдности, б) приемов иронии, двусмысленной игры трагикомической формой при передаче двусмысленного сообщения и использование жанровых традиций фарса, пародии, стилизации, народнопоэтических образов. «Культура низа» стала одним из способов преодоления избыточной экспрессии в газете и, одновременно, средством привлечения внимания читателя к идеологическому смыслу сообщаемого.

В подразделе **3.2. Эмиграция в Америку и эмигрантская печать** характеризуются американские русскоязычные газеты диаспоры, которые были интегрированы в местный уклад жизни с его зависимостью от властей и отношений конкуренции, от возможностей финансирования и ведения издательского дела. Русские эмигрантские газеты в Америке сильнее, чем в Маньчжурии, противопоставлены друг другу. Они издаются в условиях жесткого соперничества и политической борьбы, подчиняются существующему законодательству. Именно трудовая ситуация для русскоязычных рабочих на местах рассматривается пробольшевистской печатью как симптоматичная для справедливой классовой борьбы за права рабочих в регионах Америки. Для русских пробольшевистских изданий в Америке обсуждение событий в революционной России не было главной задачей. Они стремились использовать пропаганду большевизма для борьбы рабочих за свои права с «хозяевами» жизни – американскими капиталистами. Номинации *большевики, Советская Россия* сопровождаются в пробольшевистских изданиях позитивными коннотациями. Оптимистический образ большевика (включая оценки вождей большевизма) строится в приближении к идеалу успешного американского героя. В частности, радикальная газета «Голос труженика» (Чикаго) ставит рабочих в жесткую оппозицию к профсоюзным лидерам как послушным исполнителям воли «хозяев».

В пробольшевистском дискурсе обнаруживаются лишь ментально значимые классово-идеологические оппозиции, связанные а) с проблемой буржуазного неприятия Советской России и большевиков (*Советская Россия*

/ капиталистический мир); б) с проблемой разрешения непримиримого классового противоречия мирового масштаба (*рабочие / буржуазия*); в) с проблемой внутренней оппозиции в духе архетипов *свой / чужой* в среде рабочих. При этом введенная антибольшевиками оппозиция *христиане / большевики* снимается с помощью специфической концептуализации (образ жертвы в лице «Назаретянина» как лидера «большевистского движения первого века»). В текстах идеологизированные оппозиции разного вида конструируются искусственно. Они неоднородны в логико-понятийном отношении. Выделяются прагматические модели с противоположениями сценарно-тематического характера. Они имеют не только пропагандистский, но и агитационно-обучающий характер. К специфике идеологической оппозитивности анархо-большевистского толка относится неприятие диктатора вождей, хотя как раз диктатура относится к одному из коренных положений «ленинского марксизма».

На семантико-речевом уровне идеологическая оппозитивность пробольшевистской печати выражается комплексом сюжетно-сценарных и образно-риторических средств, среди которых особое место занимают метафора, олицетворение, гипербола. К способам оценочно-оппозитивного представления ситуации относятся лексико-синтаксические средства (оценочные наименования; параллелизм; антитеза) и стилистический контраст элементов высказывания (книжных, пафосных, и разговорных, грубопросторечных).

Тенденциозность газет пробольшевистского толка определяется двумя главными показателями: использованием санкционированных идеологией трафаретных выражений (идеологем); модальностью воинствующего неприятия существующего порядка. Отсюда тональность высказываний – стилистически сниженная, грубо уничижительная (для описания действий противника) и прескриптивная, азартно-возбуждающая (для простого рабочего). Если передается речь противника, то в ней доминирует оппозитивное ироническое двуголосие (пародирование чуждой точки зрения). Наблюдается антинормативизм – нарушение этических правил коммуникации. Для стиля пробольшевистских изданий в высшей степени характерно диалогизированное, вопросно-ответное (порой сказовое) изложение с обращениями, императивами, лозунгами-призывами, переводящими речевую данность в аспект запланированных групповых действий (перформативность).

Пробольшевистскому газетному дискурсу противостоит радикальный антибольшевистский дискурс «Народной газеты» (Нью-Йорк). Антибольшевистская газета в Америке сосредоточена на предметно-событийной стороне сообщений из России. Нарративы в модусе реального (свидетельства очевидцев) сопровождаются суровой оценкой деятельности большевиков в России. В «Народной газете» эта деятельность имплицитно концептуализируется понятием «преступление».

На ментальном уровне анализа дискурса русской антибольшевистской газеты обнаруживается множество оппозиций, имеющих отношение к разным сферам общественного сознания: к сфере политики и идеологии (*диктатура / демократия; гражданская война / Учредительное собрание, демократический мир; коллективизм / индивидуализм*), к сфере философии (*жизнь / смерть*), к сфере логики в ракурсе комического (*отсутствие / наличие*), к сфере морали и этики (*норма речи / антинорма; речь / физическое воздействие; сострадание / веселье*), к сфере литературной деятельности (*достоверность / недостоверность; идеологическое (мифологическое) / реальное; трагедийное / комическое*).

На семантико-речевом уровне оппозитивность дискурса «Народной газеты» выражается: 1) прагмемами, передающими отрицание большевизма; 2) идеологемами социального демократизма, противопоставленными «чуждой» идеологии, мифологема которой обозначены как ложные; 3) ироническим отношением к анархизму, которое передается вопросами, выражающими недоумение, комическими преувеличениями, парадоксальными высказываниями; 4) пародированием «чуждой» речи в ее сценарно-тематических образцах; 5) нарративами с градацией негативного смысла; 6) общим модусом крайнего неприятия, в русле которого повествование сливается с комментарием, обеспечивающим обличительный пафос речи.

В подразделе **3.3. Эмиграция и беженство в Европу; эмигрантская печать** характеризуются европейские газеты русского зарубежья, которые в наибольшей степени включены в российские события и освещают их с наибольшим разбросом мнений и политической устремленности. Страны Европы переживали очевидные последствия от нарастающей в годы Гражданской войны эмиграции из России. Но именно газеты, в конечном итоге, подготавливали общественное мнение к приему беженцев, определяли сочувствие к ним и понимание драматической участи беженцев. Пропагандистская модализация прагматична: она опирается на общечеловеческие постулаты добропорядочного воспитания, внедряя новые идеологема под воздействием процесса целенаправленной концептуализации.

В европейских газетах отчетливо выделяется радикальный антибольшевистский дискурс. Он представлен двумя разновидностями — категоричной политико-идеологической («Общее дело») и мобилизующей военно-политической («Вестник Северо-Западной армии»). Радикальный антибольшевистский дискурс свойствен берлинской газете «Призыв» с ее подчеркнутой гуманистической составляющей в критике большевизма и «керенщины». Другую берлинскую газету («Русский Вестник») по мотивировкам противостояния и оценкам деятелей революции можно отнести к умеренному пробольшевизму. Обе газеты придерживаются прогерманской ориентации, хотя и на разных основаниях. Прочие газеты

относятся к изданиям, реализующим признаки умеренного антибольшевизма. Особое место в этой группе занимает газета «Варшавская речь», заслуживающая внимания качеством своих публикаций и неоднородной политической позицией.

Ментальный, или когнитивно-семантический, уровень анализа антибольшевистских газет показывает, что политически радикальный антибольшевистский дискурс газеты «Общее дело» отвечает идеологическим оппозициям обобщенно-сущностного характера, указывающим (по мысли идеолога издания) на кардинальные противоречия российской действительности: *народ / власть большевиков; социальная норма / антинорма*, и, наконец, – *жизнь / смерть*. Оппозиция *сущность / явление* отражает субъективированную трактовку природы большевизма как идеологии, губительной для России.

Несколько иные оценочно-оппозитивные контексты мы находим в радикальной антибольшевистской газете «Призыв» (Берлин). В ментальном мире этой газеты представлены в большей степени идеалистически мотивированные оппозиции: социально-оценочные противоположения по архетипу «антимир» (*гражданская война / демократический мир; враги / друзья; ложные попутчики / единомышленники*); социально-оценочные противоположения с концептом «власть» (*большевистская диктатура / социалистический демократизм; революционная идеология / революционная практика*), оппозиции по характеристике действий (*наличие / отсутствие; динамизм / стагнация*); социально-оценочные противоположения с этико-эстетической интерпретацией происходящего (*добро / зло; культура / одичание, трагедийное / комическое, сострадание / веселье*); социально-оценочные противоположения с морально-нравственной интерпретацией образа мышления и поведения лиц (*индивидуальное / коллективное; человек / толпа; единоличное / общее*), включая амбивалентную оппозицию *разрушитель / несчастный* («не ведающего, что творит»).

Концепт «болезнь», не характерный, в частности, для парижской газеты «Общее дело», преобладает в антибольшевистских газетах умеренного толка (в «Варшавской речи», пражском «Русском деле») и в радикальных газетах, близких по вариативности дискурса к умеренным изданиям (как, например, харбинской газете «Новости жизни», нью-йоркской «Народной газете»).

Семантико-речевой уровень анализа антибольшевистских газет показывает, что речевая форма оппозитивных контекстов поддерживает радикальную идеологию антибольшевизма открытым способом. Открытость и речевая агрессия – основные показатели способа существования антибольшевистского дискурса в его сугубо политической разновидности. Оценки выражаются в номинациях, не оставляющих сомнений в крайней степени идеологического отрицания большевиков и большевизма (*преступники, предатели, палачи, провокаторы, убийцы, самозванцы*,

политические шулеры и шантажисты, международные авантюристы, грабители и др.).

Чтобы уточнить общую картину сходства и расхождений газет РЗ в системном представлении, мы извлекаем потенциал структурной семантики²⁶.

В подразделе **4.3. *Оппозитивная модель расхождения газет русского зарубежья в 1918 году. Размежевание газет в 1920-е годы*** продемонстрировано, что результатом построения модели стал удобный в практике универсальный вид квалификации расхождений. Он содержит три познавательные модификации. 1) Построение в виде двух полюсов семантической оси дает крайнее выражение идеологической оппозиции в расхождении эмигрантских газет, предполагающее альтернативный смысл **‘либо то, либо другое’**. Входящими в такую оппозицию оказываются радикальные газеты «Голос труженика» (Чикаго) и «Общее дело» (Париж). 2) Семантическое построение в виде тринарной структуры выявляет нейтральное положение, предполагающее смысл **‘ни то, ни другое’**. Это выражение идеологической оппозиции с промежуточным нулевым звеном в расхождении эмигрантских газет относится к торгово-промышленному изданию «Скандинавский листок», которое рассматривается в 4-й главе диссертации. 3) Семантическое построение в виде тринарной структуры дает смешанный вариант, предполагающий смысл **‘и то, и другое’**. Разновидность этой идеологической позиции обнаруживается в харбинской газете «Новости жизни» и в европейской газете «Варшавская речь».

Опыт анализа двух разных газет в период закрепления советской власти (20-е гг.) позволил сформулировать следующий вывод: хотя эмигрантские газеты сохраняют тенденцию к расхождению в трактовке членов оппозиции *антибольшевизм / пробольшевизм*, происходит знаменательное для эмигрантской идеологии смещение центра соотношения: инварианту «антибольшевистски настроенный» в крайней позиции на другом конце схемы стала соответствовать более сложная конфигурация, включавшая позиции бывших «умеренных» в направлении сближения с пробольшевизмом.

Глава 4 Газетный дискурс с имплицитно выраженной оппозитивностью (деполитизированная газета в Швеции) посвящена описанию особенностей дискурса торгово-промышленной газеты «Скандинавский листок» (в нашей классификации – «коммерческий дискурс»). Внимание привлечено к имплицитным или дипломатично сглаженным в текстах оппозициям, связанным с политико-торговыми условиями взаимодействия воюющей России и нейтральной Швеции.

Нейтральное отношение газеты «Скандинавский листок» к острой ситуации в России выразилось в относительной аполитичности издания,

²⁶ Греймас А.-Ж. Структурная семантика : поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминой.– М.: Академ. Проект, 2004. – 368 с.

которую можно обозначить отношением невмешательства с семантикой «*ни то, ни другое*». Способом отчуждения политизированных наименований в дискурсе газеты служат кавычки, а способом отчуждения политизированных суждений (если таковые появляются в чужой речи) выступает их слабая отмеченность, неакцентированность. Применяется ускользающая от внимания читателя тактика их композиционно-смысловой изоляции в тексте, посвященном вопросам экономики и торговли.

Актуализированный в газетах русского зарубежья концепт «борьба» в газете «Скандинавский листок» интенционально связан с желанием шведских коммерсантов и их посредников завоевать русский рынок, несмотря на препятствия (оппозиции *отсутствие / наличие; динамизм / стагнация*), несмотря на конкуренцию (оппозиция *Германия, Америка / Швеция*), несмотря на поведенческие расхождения партнеров (*динамизм / инертность, коммерческий пессимизм / оптимизм*). Оппозиция *старый / новый* отвечает надеждам идеологического субъекта на успешное сотрудничество Швеции с Россией.

На фоне объемлющей дискурс концептуализации (ключевое слово «сближение») идеологически заданная установка входит в несоответствие с семантикой «здравого смысла», или смысловой закономерности, передаваемой языком произвольно. В отличие от идеологии сближения, которая открыто и настойчиво поддерживается лексикой (используется феномен внутренней формы слова), в дискурсивных связях актантов *Швеция* и *Россия* на уровне синтаксиса возникает предикативное отношение несоответствия. Модальная нагрузка актантно-предикатных связей в дискурсе входит в ментальную структуру, отображая реальность в имплицативных оппозициях *динамизм / статичность* (стагнация); *раньше / сейчас* и др. По отношению к революционным переменам и новой власти в России газета «Скандинавский листок» занимает осторожную позицию, которую можно назвать позицией идеологического умолчания (нулевая степень политической модализации). Кардинальным отличием коммерческого газетного дискурса является общая позитивная модализация. Главное – не идея борьбы, а идея согласия, не категорическое или ироническое отрицание, а модализация в духе добрососедских, иногда юмористически означенных, отношений. Конфронтация *мы / они* отсутствует, хотя отмечены явления неприятия и конкурентной борьбы с противником, который дискредитировал себя на мировой арене (*германцы*). В остальном коммерческий дискурс газеты «Скандинавский листок» – это модализованная желанием торгового успеха репрезентация обособленной картины мира, рассчитанной на созидательность. Существующие противоречия смягчаются речевыми средствами, имеющими шутиливо-ироническую окраску, а также с помощью парадоксальных высказываний. Российско-шведский дискурс отличается общей занимательностью изложения, экскурсами в прошлое России и Швеции. Историко-культурные

противоположения в духе традиций враждебности (оппозиция *шведы / русские*) стираются, утверждается идея дружелюбного взаимодействия двух народов-соседей.

Если учесть семиотическую традицию названия дискурса по выраженности состояния субъекта, то дискурс газеты «Скандинавский листок» можно было бы определить как дискурс предвкушения. Это качество сродни модусу ожидания, присущему пробольшевистской газете «Голоса труженика» (1918–1920 гг.). И там, и здесь на первом плане пропагандистская, агитационная и, в некоторой мере, организаторская функции (устройство лекций, сбор средств, сотрудничество с представителями науки и бизнеса). Как и в пробольшевистской газете, издававшейся в Чикаго, в идеологическом дискурсе торгово-промышленного стокгольмского издания преобладает не модализованный нарратив и связанная с ним инференция, а речемыслительный модус и конструктивное начало коммуникации; заметно также влияние местных условий и профессиональной среды. Идеология выступает как специфическое преломление в деловой публицистике целей и задач торгового сообщества. Анализ текстов деполитизированной газеты РЗ в условиях российского кризиса показал: торгово-экономический интерес с его стремлением к согласию и сотрудничеству нивелирует труднопреодолимые идеологические оппозиции в дискурсе (но не в самой реальности).

В заключении подводятся итоги, связанные с реализацией целеустановки и конкретных задач исследования.

Содержание, основные положения и результаты исследований, связанные с проблематикой диссертации, нашли отражение в работах общим объемом 96,12 п.л. Книга «Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920 (22) гг.» (36, 75 п. л.) получила отклик в периодических научных изданиях. Рецензии: *М. Р. Проскуряков* // Филология и человек – 2012. – № 4. – С. 201–206; *Ю. В. Зобнин* // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та, 2014. – № 13 (184) – Вып. 22. – С. 344–349; *Н. С. Болотнова* // Стереотипность и творчество, 2014. – Вып. 18. – С. 317 – 331.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Краснова Т. И. [Рец. на кн.] : Майданова Л. М., Соломатов С. И., Федотовских Т. Г., Чудинов А. П. Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 231 с. / Т. И. Краснова // Известия Урал. гос. ун-та. Серия 1. «Проблемы образования, науки и культуры». – 2006. – 19 (№ 40), – С. 210–214 (0,5 п. л.).

2. Краснова Т. И. Русское зарубежье и печать РЗ в контексте миграционных процессов эпохи кризиса / Т. И. Краснова // Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – № 24 (95). – Вып. 8. – С. 210–217 (0,87 п. л.).
3. Краснова Т. И. Эмигрантский газетный дискурс эпохи революционного кризиса: типы источников известий (1917–1919) [Электронный ресурс] / Т. И. Краснова // Электронный научный журнал «Медиаскоп»: Ф-т журналистики Моск. гос. ун-та. – 2010. – Вып. 4. – 15 с. (0,9 п. л.). – Режим доступа: <http://mediascope.ru> (дата обращения: 7.10.2014).
4. Краснова Т. И. Оппозитивность в структуре коммуникации (на материале эмигрантских газет эпохи кризиса 1918–1920 гг.) / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Вестник Перм. гос. ун-та. Серия «Российская и зарубежная филология». – 2011. – № 1. – С. 107–112 (0,3 п. л.).
5. Краснова Т. И. Российский дискурс эпохи кризиса: историко-ментальный фон и «ответные черты» словесной культуры / Т. И. Краснова // Вестник Санкт-Петерб. гос. ун-та. Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика». – 2011. – № 4. – С. 101–108 (0,5 п. л.).
6. Краснова Т. И. Анализ политического дискурса: подходы и категории / Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2 (44). – С. 46–54 (1 п. л.).
7. Краснова Т. И. Образ России: способ репрезентации в падежном фрейме / Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3 (45) – С. 102–105 (0,38 п. л.).
8. Краснова Т. И. Социологическая лингвистика в политическом контексте (опыт эпистемологического обзора с концептом «Другой») / Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2013. – №4 (46). – С. 59–70 (1,37 п. л.).
9. Краснова Т. И. Квантор *все* в аффективном дискурсе (на материале газет русского зарубежья 1918–1921 гг.) / Т. И. Краснова // Известия Урал. федер. ун-та. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». – 2014. – № 2 (126). – С. 56–70 (1,75 п. л.).
10. Краснова Т. И. Кванторное слово и генерализованные высказывания в антибольшевистском дискурсе эмигрантских газет (1918–1921) [Электронный ресурс] / Т. И. Краснова // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМЛ, 2014. – № 1 (34). – 11 с. (0,7 п. л.). Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru> (дата обращения: 7.10.2014).
11. Краснова Т. И. Концептуальные парадигмы оппозитивной семантики в газетном дискурсе русского зарубежья / Т. И. Краснова // Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 13 (184). – Вып. 22. – С. 199–207 (1 п. л.).

12. Краснова Т. И. Оппозитивы *старое / новое, темное / светлое* в газетном дискурсе эмигрантской печати (1918–1921) / Т. И. Краснова // Филология и человек. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – № 3. – С. 91–101 (1, 25 п. л.).

13. Краснова Т. И. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения) / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2014. – №3 (49). – С. 49–55 (0,75 / 0,5 п. л.).

14. Краснова Т. И. Оппозитивный дискурс о русском большевизме в харбинских газетах 1918–1921 гг. / Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2014. – №3 (49). – С. 140–145 (0, 62 п. л.).

15. Краснова Т. И. Ментальные семантико-речевые оппозиции в структуре текстовой ситуации с концептами «Россия» и «большевизм» / Т. И. Краснова // Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 20 (191). – Вып. 23. – С. 175–182 (0, 87 п. л.).

Монографии

16. Современная газетная публицистика: проблемы стиля. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1987. – 120 с. (в соавт. с К. А. Роговой, И. П. Лысаковой и др.): С. 104–109, 109–118 (0, 8 п. л.)

17. Краснова Т. И. Субъективность – модальность. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2002. – 189 с. (11, 8 п. л.).

18. Краснова Т. И. Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920(22) гг. / Под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2011. – 588 с., ил. (36, 75 п. л.).

19. Краснова Т. И. Дискурс о России в газетах русского зарубежья 1917–1920 гг. Saabrucken: LAP LAMBERT. – 2013. – 336 с. (19, 2 п. л.).

Другие научные публикации

20. Краснова Т. И. Контраст как ведущий прием речевого развертывания сюжета в фельетоне / Т. И. Краснова // Журналист. Пресса. Аудитория. Вып.3.– Л.: Факультет журналистики Ленинград. гос. ун-та, 1986. – С. 112–118 (0,44 п. л.).

21. Краснова Т. И. Ситуация «пропажи» и ее композиционно-стилистические разновидности в фельетоне / Т. И. Краснова // Язык и композиция газетного текста : теория и практика. – Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1987. – С. 113–122 (0,62 п. л.).

22. Краснова Т. И. Два типа речевого поведения автора в фельетоне / Т. И. Краснова // Читатель и газета: проблемы взаимодействия. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. – С. 111–118 (0,5 п. л.).

23. Краснова Т. И. Семантика отрицания (на материале публицистики) / Т. И. Краснова // Гуманитарные науки: из опыта

теоретической интерпретации. – СПб. : АО «Фантомы», 1993. – С. 37–44 (0,44 п. л.).

24. Краснова Т. И. Стиль – категория прагматическая (идеографические аспекты стиля) / Т. И. Краснова // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1994. – С. 29–35 (0,5 п. л.).

25. Краснова Т. И. Типы эмигрантских газет 1918 года по содержательно-идеологическим признакам (опыт изучения содержания и формы) / Т. И. Краснова // Вестник С.-Петербурб. гос. ун-та. – 1995. – Серия 2. – Вып. 2 (№ 9). – С. 110–113 (0,25 п. л.).

26. Краснова Т. И. Семантико-речевые оппозиции в структуре текста (на материале эмигрантских газет) / Т. И. Краснова // Вестник С.-Петербурб. гос. ун-та. – 1995. – Серия 2. – Вып. 4 (№ 23). – С. 67–72 (0,62 п. л.).

27. Краснова Т. И. Язык наш насущный даждь нам днесь... / Т. И. Краснова // Невский наблюдатель. – СПб. : Факультет журналистики Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1997. – № 1. – С. 54–56 (0,4 п. л.).

28. Краснова Т. И. Лингвистические заметки о модальности / Т. И. Краснова // Логос. Общество. Знак (К исследованию феноменологии дискурса): сб. ст. – СПб. : «БРИГ-ЭКСПО», 1997. – С. 51–61 (0,62 п. л.).

29. Краснова Т. И. Структура эмигрантского газетного текста / Т. И. Краснова // Вестник С.-Петербурб. гос. ун-та. – 1999. – Серия 2. – Вып. 2 (№ 9). – С. 93–100 (0,87 п. л.).

30. Краснова Т. И. Пушкин в Зарубежной России / Т. И. Краснова // Вестник С.-Петербурб. гос. ун-та. – 2000. – Серия 2. – Вып. 2(№ 9). – С. 108–112 (0,5 п. л.).

31. Краснова Т. И. Речевые стереотипы российской массовой культуры / Т. И. Краснова // Невский наблюдатель. – СПб. : Ф-т журналистики С.-Петербурб. гос. ун-та, 2000. – № 1 (5), – С. 35–42 (0,87 п. л.).

32. Краснова Т. И. Субъективность в системе знаний и представлений / Т. И. Краснова // Невский наблюдатель. – СПб. : Ф-т журналистики С.-Петербурб. гос. ун-та, 2002. – № 1 (7). – С. 34–40 (0,75 п. л.).

33. Краснова Т. И. Коммерческая газета эпохи 1-й мировой войны и революции: идеологическая направленность в языковом выражении / Т. И. Краснова // Психология, коммерция, дизайн: актуальные проблемы подготовки специалистов: сб. науч. тр. – СПб.: Невск. ин-т управл. и дизайна, 2008. – С. 162–190 (1, 75 п. л.).

34. Краснова Т. И. Кванторное слово в эмигрантских газетах эпохи кризиса / Т. И. Краснова // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 2008. – Вып.12. – С. 175–196 (1,31 п. л.).

35. Краснова Т. И. Выражение концепции коммерческого издания в ключевых словах / Т. И. Краснова // Русский язык как иностранный : Теория. Исследования. Практика. Вып. X. – СПб.: Изд-во «Сударыня», 2009 – С. 95–101 (0,5 п. л.).

36. Краснова Т. И. Метаречевые структуры новости: источники известий / Т. И. Краснова // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2009. – Вып.13. – С. 162–170 (0,5 п. л.).
37. Краснова Т. И. Дискурс-ориентированный контекстный подход: вспомогательная роль идеологии в дискурсе о языке (социологическое направление) / Т. И. Краснова // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск XI. СПб. : Изд-во «Северная звезда», 2010. – С. 101–108 (0,43 п. л.).
38. Краснова Т. И. К вопросу о миграциях из России в эпоху революционного кризиса / Т. И. Краснова // Слово есть Дело: сб. науч. тр. Т.1. СПб. : Изд-во «Сударыня», 2010. – С. 197–202 (0,31 п. л.).
39. Краснова Т. И. Модализация и интенциональность в аспекте анализа идеологического дискурса / Т. И. Краснова // Слово. Словарь. Словесность (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена). СПб. : Изд-во «САГА», 2012. – С. 358–363 (0, 63 п. л.).
40. Краснова Т. И. Два аспекта грамматики говорящего / Т. И. Краснова // Русский язык в массмедиа: из наблюдений над функционированием языковых единиц: очерки. СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2013. – С. 123–137 (1,75 п. л.).